

Елена Арсеньева

Сестра брату своему (Софья Алексеевна, Россия)

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Преступления страсти. Жажда власти

Елена Арсеньева

**Сестра брату своему
(Софья Алексеевна, Россия)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Сестра брату своему (Софья Алексеевна, Россия) /

Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти. Жажда власти)

ISBN 978-5-699-28825-0

«Бывавшие при русском дворе и видевшие царевну Софью иноземцы косоротились: толста – поперек себя шире, неуклюжа, шея-де не длинна... Но так ведь только гусыне нужна длинная шея, а у девицы она должна быть бела, и нежна, и гладка, и полна. Именно такой шеей, белой и душистой, обладала Софья. У них, у иноземцев, все в башке перекорежено, глаза наперекосяк поставлены, мозги набекрень. Что и говорить – ребра у Софьи на чужестранный манер не торчали, она со всех сторон была гладка и округла, словно...»

ISBN 978-5-699-28825-0

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Елена Арсеньева Сестра брату своему (Софья Алексеевна, Россия)

Бывавшие при русском дворе и видевшие царевну Софью иноземцы косоротились: толста – поперек себя шире, неуклюжа, шея-де не длинна... Но так ведь только гусыне нужна длинная шея, а у девицы она должна быть бела, и нежна, и гладка, и полна. Именно такой шеей, белой и душистой, обладала Софья. У них, у иноземцев, все в башке перекорежено, глаза наперекосяк поставлены, мозги набекрень. Что и говорить – ребра у Софьи на чужестранный манер не торчали, она со всех сторон была гладка и округла, словно... словно зимородок, разноцветный, сероглазый зимородок, который сидит на веточке и вертит головой, дивясь чудесам Божьего мира. Птичку всегда хочется взять в ладони и осторожно подышать на его теплую головушку, словно на голову ребенка.

Так думал монах Сильвестр Медведев, звездочтец при дворе царя Алексея Михайловича, потом – Федора Алексеевича. Он жалел царевну, хоть на чужой слух это и звучало небось чудно€ и дико: да кто ж ты таков, чтоб жалеть царскую дочку?! А вот было-таки за что, не сомневался Сильвестр.

Ой, нет, невеселая участь – родиться русской царевной, обреченной волею рока на медленное, унылое умирание в тоске теремной! Сильвестр слышал, будто царевны иноземные, зовомые королевнами, как-то умудряются свою судьбу устраивать. То есть, конечно, отцы их, короли, заботятся, чтоб дочери не отцветали пустоцветами. Но им, чужестранцам, проще, размышлял Сильвестр. Ведь молодые королевичи в тех краях все как на подбор латинской веры, то есть религия не стоит преградой на пути бракосочетаний между правителями разноплеменных и разноязыких государств. Французская королевна, к примеру, вполне может выйти за англичанина, или немца, или вовсе за испанца какого-нибудь – и ничем не погрешит против веры своих отцов и их латинского Бога. А у нас, в России? Свята вера православная, да вот какая беда: мало стран, где ее исповедуют. Россия окружена сонмищем земель латинских либо лютерских, а правила государей суровы: нипочем не должна русская девица веру свою менять ради замужества с иноземцем! Именно для них, чужестранных царевичей и королевичей, переход в православие ставился всенепременным условием.

Сильвестру это казалось порядочной дичью и несправедливостью. Ведь как раз дело жены – переходить в мужнину веру, а не наоборот. Сказано же святыми словами Божиими: остави отца и мать своих и дом свой и прилепися к мужу своему! Сильвестр был сведущ в науке, называемой гиштория, а потому знал и о Елене Ивановне, дочери великого князя Ивана III, выданной за литовского короля Александра и снискавшей несчастье себе и своему мужу единственно из-за требований отца ни в коем случае не менять веру; знал он и о Ксении Годуновой, страдальце не столь уж давних времен, в женихи коей доставались лишь какие-то распущенные либо хилые отростки иноземных древ, ибо лишь они согласны были на переход в православие.

Да зачем заглядывать ради примеров в дальние времена? Все во дворце знали печальную историю царевны Ирины, сестры покойного Алексея Михайловича и тетушки нынешней правительницы Софьи. Михаил Федорович, отец ее, ради усиления связей России с иным миром, решил выдать дочь замуж за иностранного царевича. В это время в России оказался Вальдемар, сын датского короля Христиана IV и его морганатической супруги графини Монк. Он поправился царю, и скоро в Данию отправились послы с предложением женить Вальдемара на Ирине. Михаил Федорович обещал дать ему свободу выбора веры, но обещание оказалось лишь приманкой. Стоило королевичу со свитой водвориться в Кремле, как патриарх Иосиф приступил к

нему с требованиями перейти в православие. Вальдемар противился всеми силами, несмотря на расписываемые ему достоинства и прелести царевны Ирины. Он готов был расторгнуть соглашение и вернуться домой – его не отпускали. Только внезапная смерть Михаила Федоровича спасла его... и лишила Ирину возможности выйти замуж. Так она по сю пору и пребывает старой девой, затворницей в своем тереме (сестры Алексея Михайловича вели себя куда более строго, чем его дочери!).

Самой большой дурью во всей это дурацкой и печальной истории казалось Сильвестру то, что Вальдемар так ни разу и не увидел своей невесты! Ну да, это ж с ума сойти: позволить чужому мужчине увидеть царевну! Мол, только после свадьбы, только взойдя к ней на ложе! А может, там окажется чудище-каркодил, о коем повествуют книги «Изумруд» или «Пчела», образцы византийской литературы, переводимые на Руси. А между тем царевна Ирина на чудище-каркодила нисколько не походила, она была просто-таки красавица, и, может статься, погляди на нее королевич Вальдемар, все могло бы устроиться иначе...

Да, пытай, не пытай светила небесные, днем ли, ночью ли, а все равно никогда не угадаешь, как все в жизни сложится, подумал Сильвестр, который был порядочным философом и фаталистом. Вот не помер бы в одночасье государь Алексей Михайлович, не оставил бы он после себя непутевого, нездорового, неумного сына Федора, который никоим образом не мог быть строгим оком царству своему и за коим самим был нужен глаз да глаз, – может статься, и судьба Софьи сложилась бы по-другому.

Недолгое свое царствование Федор Алексеевич (только шесть лет пробыл он на престоле) почти все провел в постели. Взшедший на престол пятнадцатилетний юноша, более напоминающий слабого мальчика, беспрестанно цеплялся за руку своего воспитателя Симеона Полоцкого. Полоцкий был также и учителем Сильвестра Медведева (благодаря этому знакомству последний и попал во дворец). Могучий духом и телом наставник, чудилось, вселял в своего воспитанника новые жизненные силы, а его причудливый взгляд на мир безмерно веселил и ободрял Федора. Симеон представлял себе мир в виде книги, а составные части сего мира – как бы листами оной книги, строками, словами, литерами:

Мир сей преукрашенный – книга есть велика¹,
кою словом написал всяческих владыка.
Пять листов препространных в ней ся обретают
и чудные письма в себе заключают.
Первый лист есть небо, на нем же – светила,
их, словно письма, Божия крепость положила.
Второй лист – огонь стихийный под небом высоко,
в нем сего писания силу да зрит око.
Третий лист преширокий аер мощный звати,
на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
Четвертый лист – сонм водный в ней ся обретает,
в том животных множество обитает.
Последний лист есть земля с дресвы, с травами,
с птицами и с животными, словно с письмами...

Когда в палатах государевых гремел мощный глас Симеона Полоцкого, Федор оживал, Сильвестр трепетал от восторга, а ближние царевы бояре испуганно взирали из-под своих тафей, высоких боярских шапок из дорогого меха, на разошедшегося архиерея, чая одного: оказаться от него как можно дальше. И только царевна Софья желала быть к Симеону как

¹ Здесь: воздух.

можно ближе. Она, словно растение, лишенное воды, впитывала каждое изречение, восхищалась причудливостью его словес, так отличающихся от привычных, коими изъяснялся дворец, замирала от остроты его мыслей. И ей совершенно наплевать было на то, какими глазами глядят на нее бояре, приверженцы теремных нравов. А те ясно что себе думали: девятнадцатилетняя девица, кое место за пяльцами, явилась в общество мужчин, среди которых есть и неженатые, да сидит с ними. И ладно бы молчала – осмеливается слово поперек молвить. Да еще и не одно! Стрекочет, что сорока, и не уймешь ее...

Между прочим, Сильвестр знал, что Софья – великая мастерица вышивать. Ковер ее работы лежал в покоях покойного царя, который восхищался искусством дочери. А что касается «сорочьего стрекота», то ни одного слова не было ею молвлено зря – каждое изобличало глубокий, самостоятельный ум и не просто жажду знаний – ненасытимую алчность их.

Когда Сильвестр смотрел на Софью, ему чудилось, он зрит воочию одно из величайших чудес Творца: сухое семечко падает в землю и, питаемое ее соками и живительной влагой, стекаемой с небес, превращается в росток, а затем, постепенно, – в стройное яблоневое дерево, покрытое зеленой листвой и нежными бело-розовыми цветами. Но, воображая ее цветущей яблоней, Сильвестр думал не только о пробуждении ее ума, – он думал и о расцвете ее красоты...

Он знал Софью с юных лет, но недолго заблуждался, считая ее ребенком. А впрочем, в ней жило детское любопытство к жизни, ей всё нужно было узнать, и точно так же, как основы древних языков, она захотела узнать основы древнего искусства любви. Обучил ее ему все тот же Сильвестр.

Софья оказалась страстной, неумемной, горячеей, порывистой, ненасытной. Шальная девка, а не царевна-затворница! Верно говорят: клубок не делает монаха. Сильвестр монахом был только по наименованию, а потому почти сразу, после двух или трех ночей, проведенных в Софьиной постели, понял: сей нежный зимородок спорхнет с его ладони в самое скорое время, ибо Софье нужен был кто-то, кто превосходил бы ее не только числом прочитанных книг, как Сильвестр. Она ведь и сама прочла сих книг немало и даже была искусна в сложении словес, писала пиесы о святых Екатерине и Пульхерии для домашних театров... Ей нужен был не монах беспутный, а человек, которым она могла бы восхищаться – достойный ее по происхождению, по уму, схожий с ней по взглядам на мир. И могущий впоследствии разделить с нею власть над этим миром...

О да, она мечтала о власти! Царевна, перед которой закрыты все дороги, кроме монастырской, мечтала пройти по любой из закрытых – только не по той, куда толкала ее неминуемая участь. Однако Софья и впрямь была умна. Она ждала *своего* мужчину не только для того, чтобы полюбить его и предаться ему душой – свободно, вопреки теремным узаконениям. Она мечтала обрести человека, который станет проводником ее к власти. К престолу, который исстари на Руси должен был принадлежать только мужчинам.

И Софье показалось, что она нашла такого человека в лице князя Василия Васильевича Голицына.

Придворной жизни он не был чужд: молодые годы свои провел близ Алексея Михайловича в званиях стольника, чашника, государева возницы и главного стольника. Сделавшись боярином, Голицын по особому приказу Тишайшего отправился в Украину, чтобы принять меры для охраны ее рубежей от набегов турок и татар. Он участвовал в Чигиринских походах, окончившихся, правда, неудачей для него как для полководца, и сумел верно разгадать главную беду русского войска: местничество. Местничество – старинный обычай считаться заслугами предков и занимать должности по этому, а не по заслугам своим: чей отец либо дед занимал высшую должность, того потомок считал и себя выше родом и не подчинялся по службе тому, у кого предки занимали низшие места. Всяк воевал и сражался сообразно своей родовой спеси, ни больше, ни меньше! Пережив горечь поражений, Голицын вернулся в Москву и

приступил к молодому царю Федору с настоянием уничтожить местничество. Он был готов к сопротивлению бояр, ибо знал, как глубоко укоренены старинные обычаи, и немало удивился, когда хворый, вялый, слабовольный царь не оперся на мощные плечи родовитого боярства, а склонился на сторону князя с его непонятными и, очень может быть, опасными новациями. Но вскоре Голицын сообразил, что поддержкой царя он всецело обязан царевне Софье.

Князь Василий Васильевич был красавец, влюбленный в свою красоту. И он умел холить и лелеять ее даже в военных походах, и даже если не было воды напиться и умыться, то уж подбрить русую бородку, красиво обливавшую щеки, он не забывал, пусть даже бриться приходилось лезвием казацкой сабли. И в женщинах он превыше всего ценил красоту. Жена его, княгиня Евдокия, была хороша, словно белая лебедушка. И, подобно многим мужчинам, князь Василий пребывал в приятном заблуждении, что глупость только прибавляет прелести женщине. Но вдруг оказалось, что его взяла в плен не столько красота спокойной павы, сколько острота женского ума, живость речи, насмешливый тон, спокойная мудрость и счастливое умение взглянуть на жизнь с разных сторон, подметить, что в ней есть плохого и хорошего, печального и веселого, достойного презрения и уважения. Ему почудилось, что маленькая, кругленькая царевна не снизу вверх на него смотрит своими яркими, живыми глазами, а держит его на ладони, словно игрушку, поворачивает так и этак – и от ее взгляда никуда не спрячешься.

Она была умна не женским умом... А впрочем, что такое ум мужской? Чем он хуже или лучше женского? Опять же – и среди мужчин отыщешь множество людей неразумных. Софья была и разумна, и умна. Она обладала редкостной способностью не только видеть каждого человека насквозь, но и всякое жизненное явление пронизать – предвидеть, что из сего явления, какие последствия могут произойти. Причем последствия те она умела высчитывать так же быстро, как делила, слагала, умножала либо вычитала цифры. А способности арифметические у нее были удивительные, куда до нее «умникам»-боярам, женский ум презирающим. И какая у нее была блистательная память! Она легко запомнила и латынь, и греческий, она словно бы впивалась в тяжеловесное сплетение виршей и Симеона Полоцкого, и того же Сильвестра, с одного разу могла выучить любую роль для домашнего театра. И не только выучить, но и прочесть ее так, что слушателей слезой прошибало при стенаниях какой-нибудь там Эсфири:

Когда б любовь была наградой, как просто бы жилось на свете!
Она змеею незаметно вползет в нутро – и жалит сердце,
Сосет его и изгрызает, своим злодейством наслаждаясь.
Я от незримой, несказанной, необъяснимой боли корчусь,
Змею-любовь изгнать не в силах... Иль просто не хочу изгнать?...

Такой ум, такие способности, обнаружась они у мужчины, называли бы государственными. А в женщине они казались ненужными, пугающими...

На счастье, князь Василий не принадлежал к числу тех мужланов-бояр, которые при малейшем проблеске этакой непривычности, как умная бабенка, готовы кричать «Караул!». Он начал присматриваться к Софье... И однажды обнаружил, что ее бдение у постели больного брата было вызвано отнюдь не заботой о нем – она всегда заботилась только о себе одной. Да и вообще: все ее слова, поступки, а главное – ее взгляды на мужчин одушевляемы совсем иным чувством, нежели просто непривычным, неженским желанием принять участие в устройстве государственных дел. Прежде всего Софья желала устроить в сем государстве свои собственные *женские* дела!

Сообразил это Василий Васильевич после того, как во дворце пташкой залетной промелькнула красавица Агафья Грушецкая.

Она была дочерью небогатого московского дворянина Семена Федоровича Грушецкого. После смерти отца воспитывалась у его сестры, своей тетушки, бывшей замужем за думным

дворянином, дьяком Семеном Ивановичем Заборовским. И в Грушецких, и в Заборовских текла польская кровь. Царь Федор увидел Агафью во время крестного хода и на миг остолбенел от ее тонкой, *не московской* красоты, а потом послал приближенных выследить, где девица живет. Узнав, кто она, Федор тайно приказал Заборовскому не выдавать племянницу замуж. И многочисленным сватам, обивавшим пороги их дома в поисках руки Агафьи, было немедленно отказано.

Слухи о том дошли до Ивана Милославского. Брат покойной матери Федора, боярин Милославский был необычайно сильной фигурой при дворе. Он лелеял свои собственные планы насчет царского брака. Еще на памяти была царица Ирина Годунова, при которой фактическим правителем являлся не царь Федор Иоаннович, слабый духом и немощный разумом (совершенно как нынешний царь Федор!), а ее брат Борис Годунов, затем воссевший на престол. Именно об этом втайне мечтал Милославский, а потому намерен был подвести царю какую-нибудь из своих многочисленных свойственниц или дальних родственниц. По крайности – дочь преданного ему человека.

Узнав об Агафье, Милославский прибегнул к своему излюбленному и многожды испробованному оружию (с помощью которого ему, между прочим, удалось низвергнуть всесильного боярина Артамона Матвеева, первого друга и наставника Алексея Михайловича Тишайшего и воспитателя мачехи Федора, Натальи Кирилловны Нарышкиной): к клевете. Он начал распускать самые низменные слухи об Агафье и ее родных. Однако рухнул в ту же яму, которую рыл ближнему своему. Царь был влюблен не шутя и не хотел ничего дурного слышать о своей избраннице, а потому с гневом обрушился на Милославского. Боярин угодил в опалу.

Тем временем были устроены предусмотренные обрядом выборы невесты: только для виду, для исполнения векового обычая. Царь заранее знал, кого выберет. И Агафья Грушецкая стала московской царицей.

Многие недовольные говорили, что скоро-де на Русь вернутся обычаи первого Самозванца и Марины Мнишек! Агафья Семеновна позволяла ношение при дворе польского костюма (между прочим, к тому же склоняла Алексея Тишайшего его вторая жена, Наталья Нарышкина, мачеха Софьи и Федора, что Милославскими было поставлено ей в вину после смерти царя), кунтуша и польских сабель.

Агафья Семеновна была известна своей добротой, заступалась за опальных – и в первую очередь за Ивана Милославского, который был возвращен во дворец именно ее усилиями. Однако добра он не помнил и немедленно начал распространять слухи, будто царь «скоро-де примет ляшскую веру, аки самозванный Дмитрий»... К слову сказать, вернувшись в Россию, вышеупомянутый Дмитрий немедленно вновь обратился в православие, но Милославского такие тонкости занимали мало.

Впрочем, царя Федора всякие там рассказы никак не волновали. Он нежно любил жену и с восторгом ждал рождения ребенка. Однако день его появления на свет стал для него источником величайшего горя. 11 июля 1681 года Агафья Семеновна неблагополучно разрешилась от бремени, а спустя три дня скончалась вместе с новорожденным сыном, царевичем Ильей.

Софья, строго говоря, относилась к Агафье неприязненно, ибо опасалась, что та отнимет у нее власть над Федором. Опять же, Агафья своим обликом являла именно тот тип женской красоты, который был столь любезен иноземному вкусу и до которого Софье было далеко, как до луны. Ну в самом деле, не ножом же обстругивать, не топором же обтесывать крепко сбитое Софьино тело, чтоб она сделалась столь же суха плотью и тонка костью, как Агафья!

Единственное, что было для царевны в невестке привлекательно, это ее попытки ввести при дворе польскую моду не только для мужчин, но и для женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.